

«земляная» темница одна темница — то и церковь, то и трапеза, то и заход»⁹² Аввакум красочно описывал в своем «Житии», как он совершал богослужение во время сибирского похода в «полку» воеводы А. Ф. Пашкова, не пользуясь услугами церкви «А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою» (47). Стараясь найти управу на жестокого воеводу, Аввакум «в куст зашел, ко богородице припал» (180). Такие условия многолетних ссылок не только укрепили объективно-отрицательное отношение Аввакума к государственной церкви, но и подготовили субъективную возможность для него в принципе отказаться от церкви как обязательного и «освященного» места богослужения и перенести это «действие» в народный быт, в любую «избу», «в куст» и т. п. Подобная бытовизация церкви сопровождалась идеологическим тезисом о том, что церковь это «не стены, но человеки» (455). Таким путем создавалось представление, будто бы церковь — это народ, «христиане», следующие «старой вере». Стремление во что бы то ни стало отказаться от церкви государственной возрождало в сознании Аввакума идеализируемые им евангельские и патристические представления о том, что должна существовать только «церковь одушевленная, внутрь твоя красота, еже есть в сердцы твоем. И господь рече. внутрь нас царство небесное» (456); ему казалось, что каждый праведник «веселится, всегда царство небесное имея в себе» (436).

В условиях московского дворянско-крепостнического государства второй половины XVII в., когда догматы церкви были «одновременно и политическими аксиомами»,⁹³ такие идеологические позиции раскола с точки зрения представителей господствующего класса были равносильны отрицанию церкви вообще, потому что они объективно выражали стремление демократических слоев к духовному обособлению и ослаблению своей зависимости от официально-феодальных форм церковной идеологии. Церковь в эту эпоху выступала «в качестве наиболее общего синтеза с наиболее общей санкцией существующего феодального строя»,⁹⁴ и поэтому ожесточенная борьба раскола с государственной церковью приобретала социально-политический по своему содержанию и антифеодальный по своей направленности характер.

Тесную связь и взаимную обусловленность социально-политических интересов господствующей церкви и феодального государства вполне понимали современники Аввакума — идеологи этой церкви и полемисты против раскола. Так, архиепископ Афанасий Холмогорский писал: «Ибо в церкви есть видети общий смысл всего народа и государства. . . Тамо вси людие архиерейскому руководству и царского величества самодержавству и повелению их последователи».⁹⁵ Эта же идея внушалась в увещании к народу от имени патриарха Иоакима: «. . . во благочестии и в послушании церковном пребывайте и царскому величеству, яко повелевают божественныя писания, повинуйтесь и почитаете».⁹⁶ Тут же это рассуждение подкрепилось традиционной формулой «писания»: «Бога бойтесь, царя чтите!»⁹⁷ Раскольники же «дерзнуша . . . отступлению от святыя церкви учити. И се явно, понеже ради возмущения государства сие сотвориша».⁹⁸ Из этого видно, что движение раскола, направленное в первую очередь против госу-

⁹² Я. Л. Барсков, стр. 254. Заход — отхожее место.

⁹³ Ф. Энгельс, стр. 360.

⁹⁴ Там же, стр. 361.

⁹⁵ Увет духовный, л. 8—8 об.

⁹⁶ Там же, л. 74.

⁹⁷ Там же. Цитата из первого соборного послания апостола Петра, II 17.

⁹⁸ Там же, л. 88 об.—89.